

ВНЕ ЛЕГЕНД

В ТЕАТРАЛЬНОМ мире о Юозасе Мильтинисе, главном режиссере Паневежского театра, ходит много легенд. Наверно, питает их прежде всего сама его жизнь, полная романтики. Много-много лет назад влюбленный в искусство юношей, без гроша в кармане и без знания языка отправился в Париж попытать свое актерское счастье, твердо веря, что вернется домой, в Литву, и откроет свой новый театр...

Более четверти века существует театр в маленьком Паневежисе, где, кажется, слишком размеренно и тихо текут дни, как та река, что делит город на две половины. Где от нового здания театра разбегаются узкие улочки и где каменные плиты тротуаров создают такой резонанс, что слышится, будто через вашу комнату спешит запоздалый путник... И в этом городе — театр, чья афиша, если судить по названиям, довольно традиционна: «Макбет» Шекспира, «Вольпоне» Б. Джонсона, чеховские «Чайка» и «Иванов». Здесь — «За дверью» В. Борхерта, пьеса Г. Приеде «Отилия и ее внуки», «Мария» А. Салынского... Но в этом городе — театр, в который невозможно достать билет и куда приезжают издали, а где многие спектакли идут с аншлагами по многу лет... Театр подлинных реалистических традиций.

Какими же тайнами владеет Мильтинис? И вообще зачем ходим мы в театр? Что ищем там, что находим? И долго ли так будет, а может,

оттеснят театр ставшие массовыми кино и телевидение?

Нет, Ю. Мильтинис думает иначе. «Ни театру, ни работе в нем, — говорит он, — не может быть конца. Его искусство вечно. Не могу назвать дня, часа, минуты, когда решился бы сказать, что все готово, все достигнуто, все исчерпано. Театр — это постоянное движение, знаете, как вода в реке, в которую невозможно войти дважды. Нет заведомо данной модели для спектакля, нет модели для персонажа. Потому и Гамлетов может быть тысячи. Но который из них заставит зрителя подумать о жизни».

ОДНАЖДЫ в заграничной поездке он видел очень модный спектакль. Сменяли на сцене друг друга диктаторы, шумно рукоплескала каждому придворная толпа. Потом они изворачивались, приспосабливаясь к обстоятельствам, ломались жизни у других — качало из стороны в сторону королевство. И в финале спектакля на сцене опять появился новый диктатор, опять рукоплескала ему толпа. И в этот самый миг (специально, конечно) зажегся в зрительном зале свет и публика, привычно поднимаясь с места, как принято, хлопала в ладоши и становилась как бы соучастником происходящего на сцене...

Юозас Мильтинис вышел на улицу —

моросил дождь, было холодно, тоскливо, неуютно. И все же лучше, чем там, в театре. Он сказал спутнику: «Помоему, это нечестно. Рассчитаны на минутный эффект эти режиссерские находки. Театр должен возвышать человеческую личность, а не унижать, не выворачивать ее наизнанку. Спектакль должен заронить в душу человека зерно размышления. Я допускаю, что многое зритель может сразу и не понять, но через день или неделю спустя его начнет точить мысль, одолевая внутреннее беспокойство, проклюнувшиеся из того «зерна». Это произойдет непременно, если, конечно, хороша пьеса и спектакль удался».

Так, может быть, вот в чем его «секрет» — в поисках добротной драматургии? И главное тогда — пьеса, а все остальное — приложимое?

— Вы хотите, чтобы я сказал: мы взяли пьесу никудышнюю, а сделали из нее конфетку! Вы же не поверите этому. И будете правы. Театр не коллектив исполнителей, а настоящий творческий организм. И актер — частица этого организма — творит текст, а не играет, читает или еще какое слово здесь подберете.

Я просто не представляю, как можно в наши дни актеру играть только самого себя. Не мало ли этого? Когда в зале сидят образованнейшие люди — ученые умы, люди, мыслящие по-государственному, люди, украшающие трудом свою землю. И вдруг так, не смущаясь, выйти к ним и играть себя...

Может быть, театру Мильтиниса просто повезло — собрался (или, правильнее, он подобрал) такой замечательный актерский ансамбль? Нужны ли комментарии к именам, которые знают теперь повсюду и которые, как справедливо считает Мильтинис, кинематограф одалживает у театра.

Мы запомнили и полюбили артистов Паневежского театра, впервые увидев их на экране, — Д. Баниониса (фильм «Адам хочет быть человеком», «Никто не хотел умирать», «Мертвый сезон»), Б. Бабкаускаса в кинолентах «Хроника одного дня», «Девочка и эхо», «Живые герои» и в «Адаме», и в «Никто не хотел умирать», В. Вледи-са в картине «Лестница в небо».

Нет, это не случай и не несчастливое везение. Здесь даже знаменитые актеры, как и сам Мильтинис, продолжают учиться. Каждый день. Потому и любя репетиция — это не просто прогон в целом и не шлифовка, оттачивание деталей. Бывает, вдруг зацепится за какое-то слово, пауза — и на два-три часа разговор. Темы разные. Философия, антропология, история искусств, наука. Разговор о том, что волнует и входит в жизнь современного человека, в сущности разговор о театре.

МНЕ СКАЗАЛИ: на два года Мильтинис «заперся» с молодыми. Теперь и они на подступах к сцене. При театре студия, не имеющая себе подобный характер обучения. С чего они начинают? С азбуки, учатся чувствовать язык. Как говорит Мильтинис, не-

множко этимологии, немножко семантики. Добавим, лекции самого мастера, которые правильнее было бы называть беседами. Здесь учат говорить ярко и просто. Владеть языком, как инструментом. Ведь язык, говорит Мильтинис, ловит мысль и передает ее. Надо, чтобы каждая гласная переполнена была психологией, как соты медом. В каждом прозаическом тексте есть поэзия. Без этого нет театра.

В современном театре много движения, музыки, песен, танцев. Но Мильтинис говорит: «Я имею в виду другое. Ритм слова. Ритм жизни. Ритм различных жизненных поворотов, разных характеров. Соединив в каждой сцене эмоциональное и интеллектуальное, помогать человеку, становиться духовно чистым, собранным и пробуждать моральную ответственность за каждый прожитый им день».

Об этом говорит театр со сцены, когда восстает против успокоенности, против безразличия к чужим невзгодам и страданиям в спектакле по пьесе Г.Ибсена «Гедда Габлер», когда размышляет о смысле жизни, о счастье трудных, беспоконных дорог в недавней, майской премьере «Мария» по пьесе А. Салынского.

Мильтинис часто обращается к метафоре, аллегориям. Он использует их, как яркие мазки, как деталь, что подтолкнет зрительскую мысль и заставит каждого отыскать собственные ассоциации к увиденному. Помню, как в спектакле «Вольпоне» на сцену едва ли не вползало нечто в зеленых лохмотьях, с огромной связкой ключей у пояса, бегающие глазки, беспоконные, все ощупывающие руки, противный, «вползающий» в душу голос. Это портрет ростовщика.

Жизнь Юозаса Мильтиниса трудно представить вне и без театра. Ра-

бочий день начинается рано, короткая утренняя прогулка — и в театр, потом небольшой перерыв «на обед», когда можно полистать свежие газеты, послушать радиотелевизионную информацию. И снова театр, до позднего вечера. Сидя за своим режиссерским пультом, он будет корректировать спектакль, как делает это вот уже двадцать пять лет. В антракте скажет свои замечания актерам. Особых похвал и восторгов не будет. Даже на заключительные аплодисменты никто не выйдет раскланиваться. Считается: пусть зрители не расплескают в аплодисментах настроение, не расторгнут в них мысль, что рвалась к их сердцам со сцены.

Невольно задаешься вопросом: почему родившись здесь знаменитые артисты после ошеломительного успеха в фильме все равно возвращаются в тихий маленький город и в свой театр? Наверно, и в этом тоже еще один секрет Мильтиниса, умеющего собрать вокруг себя единомышленников не только по работе, но и по духу, по отношению к жизни.

Только в отпуске он будет без театра. Он сказал: «Уеду в деревню», а я представила — удочки, озеро и с ружьем по лесным тропам... Нет. Будут встречи с людьми. И книги, книги. Читать, переводить — с английского, французского, испанского — это уж как придется, а думать о театре. Так коротка жизнь и так многое хочется еще успеть сделать!

А. КУРЖИЯМСКАЯ.

5 стр. ИЗВЕСТИЯ